

УДК 94(47)18/19+908 (470.326)

ГЛАВЫ СЕМЕЙ ТАМБОВА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

© **Дмитрий Валерьевич СТРЕКАЛОВ**

кандидат исторических наук, сотрудник кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: strekalovdv@gmail.com

© **Наталья Валерьевна СТРЕКАЛОВА**

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
E-mail: strekalovanv@mail.ru

История семьи является одним из актуальных направлений исследований исторической демографии и социальной истории. На основе двух массовых персонифицированных источников (материалов ревизий и «списков городских обывателей») с использованием компьютерных технологий был проведен сравнительный анализ социально-демографических характеристик глав семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века. Были исследованы проблемы соотношения численности и удельного веса мужчин и женщин – глав больших и малых семей губернского центра. Изучен семейный статус глав семей Тамбова, в том числе вопросы его фиксации в используемых источниках. Проанализированы особенности возрастных характеристик глав семей в зависимости от семейного статуса, типа семьи и сословно-социальной группы. Сделан вывод о продолжавшемся доминировании мужчин, на которых приходился основной удельный вес глав семей Тамбова. Отмечены процессы унификации среднего возраста глав больших семей к середине XIX века. Проведенное исследование позволило выявить разницу возрастов глав семей губернского центра и глав семей сел и уездного города губернии. Дополнительного изучения требуют источниковедческие проблемы истории провинциальной российской городской семьи конца XVIII – первой половины XIX века.

Ключевые слова: глава семьи; большая семья; малая семья; городская семья; массовые источники

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171

Изучение семьи в рамках различных направлений социальной истории представляет собой широкий спектр проблем. С точки зрения демографических исследований семья имеет особое значение как важнейший фактор воспроизводства населения и его демографического поведения.

Наличие общего неразделенного имущества, совместное ведение хозяйства и одного главы семьи – эти критерии можно назвать в числе главных применительно к провинциальной городской семье в конце XVIII – первой половине XIX века.

В первой половине XIX века понятие «семья» и «домохозяйство», по мнению исследователей, даже в отношении городского населения часто были тождественны [1]. Глава семьи – домохозяин (домохозяйка) иг-

рал особую роль в ее функционировании, фактически определяя ее профиль. Он управлял всеми членами семьи и всем домом, представлял семью перед городской общиной и государством, распоряжался имуществом и судьбой каждого ее члена и др. [2, с. 714]. В этой связи анализ социально-демографического портрета главы семьи провинциального российского города представляет особый интерес.

Отдельные аспекты данной проблемы рассматривались исследователями городской семьи в целом и отдельных социально-сословных групп в частности. Были проведены исследования на общероссийском и региональном уровнях [2–9].

Для изучения семейной структуры городских жителей исследователями, как правило, привлекается широкий круг источников: ревизии, исповедальные росписи городских церквей, посемейные списки, источники личного происхождения, публицистика и др.

В большинстве случаев для анализа различных аспектов истории семьи используют

¹ БЛАГОДАРНОСТИ: Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта «Городская семья и процессы социальной модернизации провинциального российского города в конце XVIII – начале XX века: портрет на фоне эпохи (на материалах Тамбова)», проект РФФИ-ОГОН № 17-11-68006а(р).

источники, которые содержат персонифицированную информацию, что позволяет применять методы микроанализа, обусловленные особенностями самого предмета исследования [2–9].

Однако точность и достоверность информации источников, фиксировавших данные демографического учета населения России в конце XVIII – первой половине XIX века (в том числе и городского), не раз подвергалась критике исследователей [2, с. 518].

Кроме того, можно выделить еще одну проблему, связанную с изучением российской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века. Исследователями были выявлены существенные различия семейной структуры в зависимости от критериев классификации семей и используемых источников [2, с. 657–659].

Для анализа проблем социально-демографических характеристик глав семей – жителей Тамбова была привлечена информация двух массовых персонифицированных источников, содержащих сведения о структуре и составе семьи провинциального губернского центра исследуемого периода: выборки ревизий 1795 г., 1833 г., 1850 г., 1857 г. и «списки городских обывателей» за 1833 и 1855 г. [10; 11]. Последний источник сравнительно редко используется для анализа проблем городской семьи конца XVIII – первой половины XIX века.

Каждый из указанных источников имеет свои достоинства и недостатки с точки зрения полноты, достоверности и сохранности информации [12; 13]. Сведения указанных источников были внесены в специально созданные электронные базы данных, которые затем были обработаны и проанализированы [14]. Сравнительный анализ был проведен по нескольким показателям: число и удельный вес мужчин и женщин – глав семей (больших и малых), семейный статус глав больших и малых семей, возраст главы семьи в зависимости от семейного статуса, типа семьи и сословия.

На протяжении всего исследуемого периода отмечалось явное доминирование мужчин в соотношении глав семей жителей губернского центра в зависимости от пола. По данным ревизий, они составляли 93,5 % (в 1795 г.), 77 % (в 1833 г.), 82,5 % (в 1850 г.) и 87,6 % (в 1857 г.) глав больших семей. По

информации списков обывателей на них приходилось 65 % глав семей домовладельцев Тамбова в 1833 г. и 64 % в 1855 г. (посчитано по [10; 11]).

Высокий удельный вес мужчин – глав семей вполне соотносится с правовыми, религиозными и бытовыми нормами, установками и ценностями традиционного общества и теми традиционно-патриархальными отношениями, которые, по мнению исследователей, продолжали господствовать и в городской семье первой половины XIX века, несмотря на некоторое ослабление власти главы семьи над домочадцами [2, с. 714].

Интерес представляет существенное расхождение доли женщин, записанных как главы семей, в списках обывателей Тамбова и ревизиях, взятых за синхронные годы. Эту разницу можно объяснить несколькими обстоятельствами. Во-первых, в списках обывателей Тамбова малолетние дети, в том числе мужского пола, были записаны как главы семей только при отсутствии у них каких-либо иных взрослых родственников. Составители списков, фиксируя владельцев городской недвижимости, обычно указывали главой семьи лицо, которое, по их мнению, выполняло эти функции реально. Это отличало этот источник от ревизий, где главой семьи мог быть записан малолетний ребенок мужского пола, а не его мать, бабушка, старшая сестра или тетя, как это было на практике [2, с. 658; 3].

Во-вторых, в списки городских обывателей была внесена информация по дворянам, чиновникам, разночинцам, офицерам и их родственницам женского пола. Представителей этих социально-сословных групп не было (и не могло быть) в ревизиях. Доля же женщин, указанных в качестве глав семей, в этих сословно-социальных группах была заметно выше, что влияло на общие показатели соотношения мужчин и женщин – глав семей губернского центра в первой половине XIX века.

Разница показателей в ревизиях и списках может объясняться как в целом проблемами качества учета населения в конце XVIII – первой половине XIX века, так и конкретно некоторым «недоучетом» женского населения. Б.Н. Миронов, анализируя проблемы демографического учета населения России в XVIII – первой половине XIX

века, в параграфе «Ищите женщину: половая структура населения» отмечает, что учет женщин в ревизиях, церковной и административной статистике был хуже, чем учет мужчин [2, с. 518-519].

Женщины были главами только в нескольких типах семей Тамбова. Основной удельный вес приходился на тип 1.2. (одинокие с неизвестным брачным статусом) (здесь и далее используется типология П. Ласлетта. – Д. С., Н. С.) [15, р. 31; 16], что составляло около 64 % от числа женщин, включенных в анализируемую выборку, в 1833 г. и около 31 % в 1850 и 1857 г. (посчитано по [10]).

Около 33 % женщин в 1833 г., 31,5 % в 1850 г. и 24,1 % в 1857 г. были главами в семьях типа 3.4. (вдовы с детьми). Среди других типов семей, где женщины были указаны главой, можно выделить тип семьи 1.1. (одинокая вдова), тип 2.1. (несемейные кровные родственники, живущие вместе) и тип 2.2. (другие родственники, живущие вместе). Например, семья 59-летней незамужней тамбовской мещанки Анастасии Михайловны Степановой (по данным ревизии 1857 г.) состояла из нее и ее трех незамужних племянниц (22, 20 и 17 лет). Она была записана главой этой семьи [10, оп. 1, ед. хр. 1892, л. 89].

На основе тамбовского материала были выявлены единичные случаи, когда замужняя женщина была указана как глава расширенной семьи. Это происходило в тех случаях, когда муж был в бегах, в ссылке, в рекрутах. Иногда в документах был зафиксирован факт замужества женщины, но какая-либо информация о муже отсутствовала [10].

Главами малых семей жителей Тамбова, как и больших, были, в основном, мужчины. Доля женщин – глав малых семей (по данным ревизий) была выше, чем больших: в 1795 г. на 6,4 %, в 1850 г. на 1,2 %, в 1857 г. на 1 %. Только в 1833 г. удельный вес женщин – глав больших семей превышал этот показатель для малых на 8,8 % (посчитано по [10]).

Одним из важных составляющих социально-демографического профиля тамбовского домохозяйства являлось его семейное положение, которое, в свою очередь, характеризовало и семейное состояние населения Тамбова в целом.

В конце XVIII – первой половине XIX века большинство глав больших и малых се-

мей, как по данным ревизий, так и по информации списков, – это женатые мужчины. В 1795 г. на них приходилось 56,2 % от общего числа глав больших ревизских семей. К 1833 г. их удельный вес сократился до 46 % и снова вырос до 55 % в 1857 г. (посчитано по [10]). Доля женатых глав семей по данным списков была 37,5 % в 1831–1833 гг. (что почти на 8,5 % ниже ревизских данных), а в 1855 г. – 42,5 % (то есть на 12,5 % ниже доли этой группы по данным ревизий 1857 г.) (посчитано по [10; 11]).

Такое расхождение также может объясняться наличием в списках обывателей информации по чиновникам, офицерам, дворянам, брачное поведение которых, согласно специально проведенным исследованиям, заметно отличалось от представителей городских сословий [4].

Однако и по данным списков обывателей, и по информации ревизий доля женатых в статусе главы семьи с 1830-х гг. к 1855–1857 гг. выросла. Проведенное исследование проблем брачного поведения населения Тамбова в первой половине XIX века свидетельствовало об общем росте коэффициента брачности в 1857 г. его жителей [17].

Анализ результатов ревизий позволил отметить рост удельного веса вдовцов и вдов – глав семей с 1795 г. к 1833 г. (почти в три раза для вдовцов (с 3 до 10,8 %) и в два раза для вдов (с 4,3 до 8 %)).

К 1850 г. при увеличении доли вдов (до 10,1 %) наблюдалось сокращение удельного веса вдовцов (до 7,4 %). В 1857 г. произошло снижение удельного веса вдов (до 5,9 %) и вдовцов (до 6,3 %) – глав семей Тамбова. Это происходило на фоне роста коэффициента брачности и повторных браков населения города (посчитано по [10]). На данное обстоятельство оказало влияние окончание Крымской войны, за которым последовало возвращение домой солдат и достаточно массовое размещение военнопленных на территории страны в целом и Тамбовской губернии в частности. Специально проведенный анализ брачности свидетельствовал о «всплеске» заключения браков жителями Тамбова в 1857 г. как с российскими военными, так и с иностранными подданными (военнопленными). Были «востребованы» и вдовы, которые в этот период активно вступили в брак [17].

Заметно отличался удельный вес вдов – глав семей по данным списков и ревизий. Доля вдов по материалам городских обывателей была выше, чем по данным ревизий населения Тамбова (взятых за синхронные годы). В 1833 г. они составляли 11 %, а в 1855 – 17,3 % глав семей домовладельцев города (посчитано по [11]). Кроме того, согласно данным списков, доля вдов была почти в три раза выше удельного веса вдовцов, на которых приходилось только 3 % глав семей в 1833 г. и 6 % в 1855 г. (посчитано по [11]). По данным же ревизий (за синхронные годы) удельный вес глав семей вдовцов превышал долю глав семей вдов. Доля вдовцов (по информации списков за 1831–1833 гг.) была почти в три раза выше этого показателя, полученного при подсчетах материалов ревизии 1833 г. По информации же списков за 1855 г. и ревизии 1857 г. эти показатели были фактически равны (посчитано по [10; 11]).

Число и доля замужних женщин, указанных в качестве глав семей, по информации и того и другого источника была небольшой. По материалам ревизий замужние женщины, которые были записаны как главы семьи, составляли 1,2 % в 1795 г., по 0,3 % в 1833 г. и 1857 г. Их удельный вес в списках обывателей был сопоставим с данными ревизий. Они составляли 0,9 % глав семей домовладельцев Тамбова в 1833 г. и 0,5 % в 1855 г. (посчитано по [10; 11]).

Удельный вес глав семей со статусом «ребенок» в списках обывателей был заметно ниже (0,2 % в 1833 г. и 0,4 % в 1855 г.), чем по данным ревизий (4,3 % в 1795 г., 5,1 % в 1833 г., 4,2 % в 1850 г. и 1,2 % в 1855 г.) (посчитано по [10; 11]).

Последнее обстоятельство, о чем уже шла речь выше, возможно было связано с особенностями фиксации информации в источнике.

Дети (прежде всего, мальчики), чаще всего, были номинальными главами семей. На практике, как правило, главой такой семьи являлась взрослая женщина: мать, бабушка, старшая сестра, тетка и др. Например, в период между IX (1850 г.) и X (1857 г.) ревизиями умер тамбовский купец Илья Степанович Нестеров, его старшие сыновья – двадцатилетний Степан и семнадцатилетний Яков и его три сестры. В итоге в 1857 г. живы были

его мать – Екатерина Алексеевна Нестерова (56-летняя вдова), его вдова – Татьяна Алексеевна Нестерова, три его дочерей (14, 8 и 9 лет) и семилетний сын, который и был записан как глава данной семьи [10, оп. 1, ед. хр. 1897, л. 102].

Доля «холостых» и «девиц», указанных в качестве глав семей в списках обывателей (0,8 и 0,5 % в 1833 г., 2,6 и 0,4 % в 1855 г. соответственно), была меньше этого показателя, полученного в результате подсчета материалов ревизий (8,5 и 0,4 % в 1795 г., 13 и 11 % в 1833 г., 23,1 и 4,1 % в 1857 г. соответственно) (посчитано по [10; 11]).

На существенное отличие доли неженатых и незамужних глав семей между ревизскими сказками и списками обывателей, очевидно, влияли критерии, которые были взяты за основу при составлении двух этих источников. Для списков городских обывателей – это был факт владения имуществом, что предполагало определенный уровень благосостояния. Молодые, несемейные люди далеко не всегда имели возможность приобрести недвижимость. Чаще всего факты владения были связаны с получением ими недвижимой собственности в наследство [11, оп. 13, ед. хр. 14, л. 13об.-14, 50об.-51]. Кроме того, главы семей с таким статусом часто были «вновь прибывшими», которые еще не успели, а часто и не могли приобрести собственную городскую недвижимость.

На протяжении исследуемого периода наблюдался рост доли «холостых» глав семей тамбовских обывателей по информации и того и другого источника. Неженатые мужчины были главами разных типов семей, в том числе больших составных семей. Например, двадцатидевятилетний тамбовский мещанин Д.И. Иванов проживал с сорокадвухлетней мачехой и с пятью сводными братьями и сестрами от трех до семнадцати лет. Семья 39-летнего тамбовского мещанина Ф.А. Гаврилова состояла из его незамужних сестер и неженатых братьев. Тридцатилетний мещанин переселился в Тамбов из Асташкова, занимал должность временного продавца и жил один [11, оп. 13, ед. хр. 14, л. 33об.-34, 38об.-39].

Доля «девиц» – глав семей по данным ревизий выросла с 1795 г. к 1833 г. и сократилась к 1857 г., а согласно материалам списков обывателей она оставалась стабильной.

«Девыцы» были главами только трех типов семей: 1.2. (одинокое с неизвестным брачным статусом), 2.1. (несемейные кровные родственники (братья и сестры)) и 2.2. (другие родственники, живущие вместе). Основной удельный вес семей, в которых главой была женщина с семейным статусом «девица» приходился на тип семей 1.2. (одинокое с неизвестным брачным статусом) (посчитано по [10]).

Интерес представляет значительный процент глав семей Тамбова с неопределенным семейным статусом. Причем доля этой группы (согласно проведенным расчетам) по информации списков обывателей была заметно выше ее удельного веса, полученного в результате обработки материалов ревизий. Так, в 1831–1833 гг. удельный вес глав семей с «неопределенным семейным статусом» по данным списков обывателей составлял 46,5 %, а в 1855 г. – 26 %. В ревизиях удельный вес этой группы был 22 % в 1795 г., 6 % в 1833 г. и 3,8 % в 1857 г. (посчитано по [10; 11]).

Проведенный дополнительный персонализированный анализ показал, что в 1795 г. 50 из 51 главы ревизских семей, чей семейный статус не был определен, это мужчины, из которых 36 человек были представителями духовенства. В данную группу были включены: один военный служащий, один мещанин, один пристав. Еще у двенадцати глав семей с неясным семейным статусом сословие (звание) указано не было.

Анализ в зависимости от типа семьи показал, что 25 человек (около 50 % глав семей с неясным семейным статусом) проживали в типе семьи 1.2. (одинокое с неизвестным брачным статусом) и 26 человек (50 %) – в типе 4.5. (неясные связи) (посчитано по [10]).

Был проведен дополнительный персонализированный анализ и домовладельцев губернского центра, чей семейный статус не был четко обозначен в источнике. В число 277 домохозяев, чье семейное положение по информации списков обывателей 1831–1833 гг. установить не удалось, входили 137 мужчин и 140 женщин, а в 1855 г. – 123 женщины и 100 мужчин. В 1833 г. из 277 домохозяев 235 (85 % глав семей с неопределенным семейным статусом по информации списков в 1833 г.) были представителями чиновничества, дворянства и офицерства. 77 % женщин и 62 % мужчин – домовладельцев Тамбова с неиз-

вестным семейным статусом в 1831–1833 гг. принадлежали к указанной выше сословно-социальной группе (посчитано по [11]).

35,5 % от числа глав семей Тамбова с подобным семейным статусом по данным списков обывателей в 1855 г. приходилось на отставных солдат и унтер-офицеров. В 1855 г. 6 % мужчин и 5 % женщин из числа домовладельцев Тамбова с неясным семейным положением были представителями городского духовенства. 10 % мужчин и 9 % женщин с неопределенным семейным статусом приходилось на однодворцев. 8 % мужчин с неизвестным брачным статусом были из ямщиков. Среди представителей других социально-профессиональных групп были студент, присяжный, лекарский ученик, иностранка, государственная крестьянка, цеховая (указано, что воронежская) и др. Примеры глав семей с неопределенным семейным статусом из числа мещан и купцов были единичными (посчитано по [11]).

Высокий удельный вес домохозяев Тамбова (чей семейный статус установлен не был) по информации списков обывателей определенным образом соотносился с данными по одиноким домохозяевам как в 1831–1833 гг., так и в 1855 г.

Однако подобные выводы нуждаются в дополнительной проверке, поскольку не все те лица, кто, согласно этому источнику, проживали одни, были одиноки в действительности. Прежде всего, это касалось представителей дворянства, чиновничества и офицерства. Во-первых, была вероятность того, что семья такого домовладельца Тамбова, записанного одиноким, могла оставаться по месту прежней службы, жить у родни в то время, когда муж (отец и др.) находился на службе в Тамбове. Во-вторых, исследователи и современники отмечали тот факт, что не всегда в списки обывателей включали членов семей представителей дворянства [17, с. 155]. Например, у поместных дворян в списках обывателей мог быть зафиксирован только глава, в то время как его семья находилась в имении.

Можно выделить две крупные группы женщин в списках обывателей за 1831–1833 гг. с неясным семейным статусом. Первую группу (66 % от женщин с неустановленным семейным статусом) составляли домовладелицы Тамбова, у которых был указан тот или

иной чин: надворная советница, коллежская советница и др.

Во вторую представительную группу с неизвестным семейным статусом (около 29 %) входили жены, вдовы, дочери военных: солдаты, унтер-офицерши, штабс-капитанши, поручицы, подполковницы и др. Как известно, женщины в Российской империи не получали чинов. Следовательно, можно предположить, что это были жены, вдовы, дочери чиновников и военнослужащих, записанные в чинах мужей или отцов, информация о мужьях или отцах которых по каким-то причинам в данном источнике отсутствовала.

Около 5 % женщин – глав семей с неизвестным семейным статусом приходились на достаточно разнородную группу, куда входили: двадцатитрехлетняя отпущенница, одна прусская подданная, три дворянки, двадцатисемилетняя купчиха 3-й гильдии и др. (посчитано по [11]).

Для чиновниц и женщин, записанных в воинских чинах, наиболее вероятны были два варианта их статуса – это «жена» или «вдова». Для мужчин из числа чиновников и военных установить их семейный статус труднее, поскольку была вероятность того, что их семьи могли находиться в других регионах страны. Сложность в определении семейного статуса того или иного жителя Тамбова была, в определенной степени, обусловлена проблемами источниковедческого характера, поскольку не всегда информация источника давала возможность точно установить семейное положение отдельных обывателей губернского города.

Сравнение данных по семейному статусу глав больших и малых семей (по материалам ревизий) позволяет отметить, что основной удельный вес глав малых семей Тамбова, как и больших, приходился на женатых мужчин. Однако их доля в малых семьях в среднем на 3–4 % была выше, чем в больших. Доля вдовцов практически совпадала, а удельный вес вдов – глав малых семей была на 2–3 % выше. Примерно равными были доли детей – глав больших и малых семей. На 3–4 % ниже был удельный вес холостых и всего лишь на 0,5–1 % девиц в составе глав малых семей по данным ревизий (посчитано по [10]).

Сравнение данных ревизий и списков позволяет отметить как схожие, так и заметно отличавшиеся показатели среднего воз-

раста глав больших семей Тамбова в зависимости от их семейного статуса. Практически во всех группах средний возраст по данным списков домовладельцев губернского города были на 4–8 лет выше, чем по материалам ревизий. Эти расхождения могли быть вызваны как критериями, положенными в основу составления каждого из источников (о чем уже шла речь выше), так и качеством учета и фиксации возраста населения России в конце XVIII – первой половине XIX века. Так, встречались случаи, когда в разных источниках, взятых за один и тот же год, был указан разный возраст для одного и того же человека [13].

Самыми старыми главами больших семей были вдовы мужчины. Их средний возраст составлял 50–58 лет по информации ревизий и 59–61 год по информации списков обывателей, что по меркам общества того времени считалось старостью (посчитано по [10; 11]). То есть, в основном, в эту категорию входили те, кто уже по возрасту не решался вступать в повторный брак и «доживал» свой век. Да и по церковному положению того времени не рекомендовалось вступать в брак лицам, которые перешагнули шестидесятилетний возрастной рубеж.

Овдовевший в молодом и среднем возрасте мужчина имел все основания и возможности заключить повторный брак и не задерживался долго в категории вдовцов.

С конца XVIII к середине XIX в. отмечалось снижение среднего возраста (по данным ревизии) для вдов с 45,2 лет в 1795 г. до 37,4 лет в 1833 г. Однако к 1850-м гг. он снова вырос и в 1857 г. средний возраст вдов составлял 45,1 лет. По информации списков обывателей он был еще выше и колебался в пределах 51–53 лет (посчитано по [10; 11]).

На протяжении исследуемого периода наблюдалось повышение среднего возраста холостых глав больших ревизских семей с 22 лет 7 месяцев в 1795 г. до 31 года 7 месяцев в 1857 г., что, очевидно, было обусловлено общим повышением брачного возраста городского населения России к середине XIX века (посчитано по [10]). Однако по данным списков обывателей возраст холостых глав семей, напротив, снизился, что требует дополнительной проверки (посчитано по [11]).

Шло снижение среднего возраста с 42 до 26,6 лет для глав семей со статусом «девица»

с 1795 г. до 1850 г. Однако в 1857 г. снова отмечался его рост до 38,5 лет. Значительный процент глав с таким семейным статусом приходился на дворовых и отпущенниц (бывших крепостных), а также мещанок. Подавляющее большинство (около 90 %) из них проживали в типе семьи 1.2. (одинокое с неизвестным брачным статусом) (посчитано по [10]). Представительниц купеческого сословия и однодворок среди глав больших семей со статусом «девица» на основе анализируемых тамбовских материалов ревизий выявлено не было.

Средний возраст глав больших семей со статусом «ребенок» снизился с 15 лет в 1795 г. до 10,9 лет в 1833 г. В 1850-е гг. наблюдалась стабилизация этого показателя. В 1850 г. и в 1857 г. он составлял 12,3 и 12,4 лет соответственно (посчитано по [10; 11]). Для сравнения отметим, что средний возраст глав подобных семей по данным торгово-промышленного села Тамбовской губернии Рассказово в первой половине XIX века также колебался в интервале от 10 до 16 лет [1].

По данным ревизий вырос средний возраст женатых глав больших семей с около 42 лет в конце XVIII века до 44–45 лет к середине XIX века, а по информации списков обывателей Тамбова он, напротив, сократился с 48,7 в 1833 г. до 45,5 лет в 1855 г. (посчитано по [10; 11]).

Показатели среднего возраста глав семей с неопределенным семейным статусом по данным списков обывателей выросли с 37,8 лет в 1831–1833 гг. до 44,8 лет в 1855 г. (посчитано по [11]).

В целом с конца XVIII к середине XIX века наблюдалось повышение среднего возраста глав больших семей Тамбова с 32,5 лет в 1795 г. до 41,3 лет в 1857 г. по материалам ревизий и снижение этого показателя по информации списков обывателей с 49,9 до 46,9 лет (посчитано по [10; 11]).

В первой половине XIX века шло повышение среднего возраста и глав больших крестьянских семей. Так, средний возраст глав ревизских семей сел Тамбовской губернии Малые Пупки, Байловка и Калугино в 1816 г. составлял 44,6, 39,2 и 45,2 года, а в 1850 г. – 48, 45,1 и 49,4 лет соответственно [19]. Эти цифры были близки к показателям среднего возраста в первой половине XIX века моршанского купечества [3, с. 178-179].

В целом средний возраст глав семей Тамбова в 1830–1850-е гг. колебался в пределах 40–48 лет, что соответствовало (известным по крестьянскому материалу) нормам традиционного общества, в соответствии с которыми главой семьи становился мужчина, достигший возраста, а часто и статуса деда, когда в малой семье появлялись внуки.

Вырос средний возраст глав малых семей Тамбова с 32,6 в 1795 г. до 39,9 лет в 1857 г. (посчитано по [10]). В исследуемый период схожая тенденция наблюдалась для уездного г. Моршанск и для торгово-промышленного села Рассказово (Тамбовской губернии) [1; 3, с. 178-179].

За исключением вдов, средний возраст глав малых семей с разным семейным статусом был ниже на 2–3 года возраста глав больших семей губернского центра. Фактически совпадали данные по детям из числа глав малых и больших семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века (посчитано по [10]).

Проведенный сравнительный анализ позволил выявить разницу, которая составила от двух до пяти лет между женатыми главами малых и больших семей Тамбова (посчитано по [10]). Эти данные могли свидетельствовать о том, что в среднем взрослый женатый глава малой семьи должен был прожить от двух до пяти лет в составе большой семьи, чтобы стать главой собственной, выделившейся нуклеарной семьи. Для сравнения отметим, что для сельского населения эти показатели были выше и составляли 5–10 лет [1]. Тенденции разрыва между возрастом глав больших и малых семей свидетельствовали, по мнению исследователей, «о неком стабильном периоде полураспада семейной ячейки» в первой половине XIX века [1].

Различались данные по среднему возрасту глав семей и в зависимости от типа семьи. Одними из самых возрастных были главы больших патриархальных семей типа 5, прежде всего, тип 5.2. (семьи супругов с женатыми и неженатыми детьми и внуками). Средний возраст старшего мужчины в такой семье составлял около 55 лет в 1795 г. и имел дальнейшую тенденцию к повышению. В 1857 г. он вырос до 62 лет (посчитано по [10]). Средний возраст глав таких семей по результатам исследования торгово-промыш-

ленного села Рассказово Тамбовской губернии был ниже и составлял 56–57 лет [1].

Анализ тамбовских показателей позволил отметить существенную разницу в возрасте глав больших семей типа 5.2. (супружеская пара с женатыми и неженатыми детьми и внуками) и глав семей типа 3.2. (супружеская пара с детьми (приемышами)), которая колебалась в интервале от 14 лет (в 1795 г.) до 17 лет (в 1857 г.). Средний возраст тамбовских глав семей типа 3.2. вырос с 39,4 лет в 1795 г. до 44,9 лет в 1857 г. (посчитано по [10]). В торгово-промышленном селе Рассказово Тамбовской губернии главы семей типа 3.2. были в среднем на десять лет моложе глав семей типа 5.2. Их возраст составлял в разных категориях крестьян от 36 до 43 лет [1].

Высокие показатели среднего возраста были характерны для глав больших семей типа 1.1. (одинокие вдовцы). Именно в таком типе семьи проживал самый старый мужчина (по информации ревизии 1857 г.) – 89-летний вдовец, тамбовский мещанин Г.Г. Протасов. В этом же типе семьи по сведениям за 1857 г. проживала и самая пожилая женщина – 81-летняя вдова, мещанка А.А. Матвеева. При этом средний возраст данной категории имел тенденцию к снижению с 77 лет в 1795 г. до 52 лет в 1857 г. (посчитано по [10]).

Самой молодой вдовой из зафиксированных ревизиями была восемнадцатилетняя вдова купца А.Ф. Мандрыкина, которая проживала в типе семьи 3.4. (вдова с детьми) [10, оп. 1, ед. хр. 1898, л. 104]. Самым молодым вдовцам было по двадцать лет. Они были мещанами и однодворцами.

Встречали случаи, когда семья состояла из двух братьев-вдовцов и их детей. Например, двадцатисемилетний вдовец, купец 2-й гильдии В.М. Аносов проживал вместе с трехлетним сыном и двадцатипятилетним братом (тоже вдовцом) А.М. Аносовым и его двухлетним сыном [10, оп. 1, ед. хр. 1899, л. 56]. Однако такие семьи являлись скорее исключением, чем правилом.

Самые молодые главы семей были зафиксированы в семьях типа 1.2. (одинокие (с неизвестным брачным статусом)) и 2.1. (не-семейные кровные родственники (братья/сестры)). В среднем их возраст составлял от 14 до 26 лет.

Отдельные вариации в возрасте глав семей наблюдались в зависимости от сословия. Так, на протяжении исследуемого периода средний возраст глав больших семей был заметно выше для купеческих семей Тамбова и имел тенденцию к повышению: с 41–42 лет в 1795 г. до 45–47 лет в 1857 г. Возраст купчих – глав семей был заметно выше, чем мужчин и составлял 52–53 года (посчитано по [10]).

Средний возраст глав больших мещанских семей Тамбова был ниже купеческих: 38,5 лет в 1795 г. и 38,7 лет в 1833 г. К середине XIX века этот показатель вырос и колебался в пределах 40–41 года, но, по-прежнему, был меньше возраста глав купеческих семей губернского центра (посчитано по [10]). Выше был средний возраст глав больших семей купечества в сравнении с мещанством и по материалам уездного города Моршанска. Но для моршанского мещанства, в отличие от тамбовского, было характерно снижение среднего возраста глав больших семей с 39 лет в 1816 г. до 37 лет в 1850 г. [3, с. 178-179].

Средний возраст глав больших семей так называемых тамбовских «рабочих мещан» был значительно выше и составлял 49–50 лет. Средний возраст глав больших семей тамбовского духовенства был около 34–37 лет (посчитано по [10]).

Высоким, сопоставимым с возрастом глав крестьянских больших семей, был возраст глав семей тамбовских однодворцев, который в 1833 г. в среднем составлял 46,2 лет (посчитано по [10]).

Одними из самых молодых глав больших семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века по данным ревизии были дворовые. Их средний возраст 30–31 год. Большинство были одинокие. По данным торгово-промышленного села Рассказово мужчины из двора также являлись одними из самых молодых домохозяев [1]. Очевидно, это обстоятельство было связано с общей деформацией семейной структуры представителей данной социальной группы, вызванной ограничениями крепостной зависимости и выразившейся, в том числе, в высокой доле одиноких.

Таким образом, традиционно главами семей были женатые взрослые мужчины, на которых приходился основной удельный вес

глав больших и малых семей Тамбова на протяжении всего изучаемого периода, затем следовали вдовцы и неженатые молодые люди. Женщины считались юридически главами семей только в тех случаях, когда семьи состояли из одних женщин. Чаще всего это случалось, когда женщина была уже вдовой. Однако наличие значительного удельного веса женщин в составе владельцев недвижимой собственности могло быть свидетельством ее относительно высокого правового статуса в российском городе в первой половине XIX века.

Наблюдалось сближение семейного уклада и унификация среднего возраста глав больших семей Тамбова. К 1850-м гг. он колебался между 40–44 годами. Наиболее пожилыми были главы купеческих и однодворческих семей, часто объединявших достаточно многочисленное, многосоставное и многопоколенное семейство. Средний возраст женщин – глав семей был выше, чем возраст мужчин. В среднем возраст глав семей Тамбова был ниже возраста не только глав семей аграрных сел губернии, но и торгово-промышленного села, и уездного города. Данное обстоятельство может являться показателем более высокого уровня модернизации семей жителей губернского центра, а также дополнительным свидетельством демографического перехода от большой патриархальной к малой нуклеарной семье. поэтапное увеличение среднего возраста глав больших и малых семей губернского города к середине XIX века, вероятно, было связано, в том числе, с общим повышением брачного возраста в городах.

Проведенное исследование социально-демографических характеристик глав семей Тамбова на материалах двух персонифицированных источников позволило уточнить и конкретизировать отдельные аспекты проблемы. Однако ряд выявленных расхождений требует дальнейшего изучения. Необходим дополнительный анализ проблем и возможностей источников, используемых для изучения провинциальной российской городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века.

Список литературы

1. *Морозова Э.А.* Особенности социально-демографического облика торгово-промыш-

ленного села в первой половине XIX в. (на примере села Рассказово Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

2. *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1.
3. *Акользина М.К.* Моршанск – хлебный порт России (середина конца XVIII – середина XIX). Тамбов, 2011. 208 с.
4. *Бодрова Ю.В.* Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2009.
5. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.
6. *Гончаров Ю.М.* Социальное развитие семьи в России в XVIII – начале XX века // Семья в ракурсе социального знания: сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.М. Гончаров. Барнаул, 2001. С. 25–40.
7. *Мионов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М.: Наука, 1990. 271 с.
8. *Шестаков М.В.* Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006.
9. *Щеглов С.Г., Меженина О.В.* Структура семьи в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. // Известия Алтайского университета. 2016. № 2 (90). С. 176–180.
10. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 247, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1429, 1430, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127.
11. ГАТО. Ф. 16. Оп. 13. Ед. хр. 14; Оп. 91. Ед. хр. 29.
12. *Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В.* «Списки городских обывателей как источник по профессиональному составу населения Тамбова первой половины XIX в. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2010. № 36. С. 207–208.
13. *Стрекалова Н.В., Стрекалов Д.В.* Источники для изучения социально-демографических процессов в российском провинциальном городе в конце XVIII – первой половине XIX в.: проблемы, возможности, перспективы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. Курган, 2015. С. 265–279.

14. Стрекалова Н.В. К проблеме использования информационных методов и технологии в исследованиях провинциальной городской семьи конца XVIII – начала XX в. // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Пермь, 2017. Ч. 2. С. 114-117.
15. Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / eds. by P. Laslett, R. Wall. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
16. Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: сб. ст. М., 1979. С. 132-157.
17. Стрекалов Д.В. Проблемы брачности городских обывателей в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 314-318.
18. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министерства внутренних дел Статистическим отделом Центрального статистического комитета. Спб., 1863. Вып. 2. 330 с.
19. Кончаков Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX – начале XX в. Новые методы исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.
- Half of the 19th Century (on the Materials of the Tver Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tver, 2009. (In Russian).
5. Goncharov Y.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [City Family of Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Barnaul, Publishing House of the Altai University, 2002, 384 p. (In Russian).
6. Goncharov Y.M. Sotsial'noye razvitiye sem'i v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Social development of the family in Russia in the 18th – early 20th century]. *Sem'ya v rakurse sotsial'nogo znaniya* [Family in the Perspective of Social Knowledge]. Barnaul, 2001, pp. 25-40. (In Russian).
7. Mironov B.N. *Russkiy gorod v 1740–1860-ye gody: demograficheskoye, sotsial'noye i ekonomicheskoye razvitiye* [The Russian City in the 1740–1860s: Demographic, Social and Economic Development]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 271 p. (In Russian).
8. Shestakov N.V. *Rossiyskoye provintsial'noye dvoryanstvo v posledney chetverti XVIII – pervoy poloviny XIX vv. (na materialakh Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Russian Provincial Nobility in the Last Quarter of the 18th – First Half of the 19th Centuries (on the Materials of the Tambov Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2006. (In Russian).
9. Shcheglov S.G., Mezhenina O.V. *Struktura sem'i v meshchanskom soslovii v gorodakh Tomskoy gubernii v pervoy poloviny XIX v.* [The structure of the family in the middle class in the cities of Tomsk province in the first half of the 19th century]. *Izvestiya Altayskogo universiteta – News of the Altai University*, 2016, no. 2 (90), pp. 176-180. (In Russian).

References

1. Morozova E.A. *Osobennosti sotsial'no-demograficheskogo oblicheniya torgovo-promyshlennogo sela v pervoy poloviny XIX v. (na primere sela Rasskazovo Tambovskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Features of the Socio-Demographic Appearance of the Commercial and Industrial Village in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Village of Rasskazovo of the Tambov Province). Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2003. (In Russian).
2. Mironov B.N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu* [The Russian Empire: from Tradition to Modernity]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin's Publ., 2014, vol. 1. (In Russian).
3. Akolzina M.K. *Morshansk – khlebnyy port Rossii (seredina kontse XVIII – seredina XIX)* [Morshansk is the Grain Port of Russia (mid-late 18th – mid-19th)]. Tambov, 2011, 208 p. (In Russian).
4. Bodrova Y.V. *Sem'ya provintsial'nogo chinovnika pervoy poloviny XIX veka (na materialakh Tverskoy gubernii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Family of a Provincial Official of the First Half of the 19th Century].
10. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 12, list 1, archival unit 247, 1416, 1417, 1418, 1419, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1426, 1427, 1428, 1429, 1430, 1800, 1801, 1802, 1803, 1804, 1805, 1847, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 2070, 2071, 2072, 2073, 2074, 2075, 2076, 2077, 2078, 2127. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti* [The State Archive of Tambov Region], fund 16, list 13, archival unit 14; list 91, archival unit 29. (In Russian).
12. Strekalov D.V., Strekalova N.V. *Sbor posodov obyvateley kak istochnik po professional'nomu sostavu naseleniya Tambova pervoy poloviny XIX v.* [Lists of city dwellers as a source of professional composition of the population of Tambov in the first half of the 19th century]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i kom-*

- p'yuter* [Association Newsletter History and Computer], 2010, no. 36, pp. 207-208. (In Russian).
13. Strelakova N.V., Strelakov D.V. Istochniki dlya izucheniya sotsial'no-demograficheskikh protsessov v rossiyskom provintsial'nom gorode v kontse XVIII – pervoy polovine XIX v.: problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Sources for the study of socio-demographic processes in the Russian provincial city in the late 18th – first half of the 19th century: problems, opportunities, prospects]. *Vserossiyskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiyem «Istoricheskaya urbanistika: proshloye i nastoyashcheye goroda»* [Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation “Historical Urbanistics: the Past and Present of the City”]. Surkhin State University, 2015, pp. 265-279. (In Russian).
  14. Strelakova N.V. K probleme ispol'zovaniya metodov i tekhnologiy v issledovaniyakh provintsial'noy gorodskoy sem'i kontsa XVIII – nachala XX v. [To the problem of using information methods and technology in the studies of the provincial urban family of the late 18th and early 20th centuries]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Tsifrovaya gumanitaristika: resursy, metody, issledovaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference “Digital Humanities: Resources, Methods, Research”]. Perm, 2017, part 2, pp. 114-117. (In Russian).
  15. Laslett P., Wall R. (eds.). *Household and Family in Past Time: Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
  16. Laslett P. Sem'ya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod [Family and household: historical approach]. *Brachnost', rozhdayemost', sem'ya za tri veka* [Marriage, Birth Rate, Family for Three Centuries]. Moscow, 1979, pp. 132-157. (In Russian).
  17. Strelakov D.V. Problemy brachnosti gorodskikh obyvateley v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. (po materialam Tambova) [Problems of marriage of urban inhabitants in the late 18th – first half of the 19th centuries. (based on the materials of Tambov)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 314-318. (In Russian).
  18. *Statisticheskiye tablitsy Rossiyskoy imperii, izdavyemyye po rasporyazheniyu Ministerstva Vnutrennikh Del Statisticheskim otdelom Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta* [Statistical Tables of the Russian Empire, Issued by Order of the Ministry of Internal Affairs by the Statistical Department of the Central Statistical Committee]. St. Petersburg, 1863, no. 2, 330 p. (In Russian).
  19. Konchakov R.B. *Demograficheskoye povedeniye krest'yanstva Tambovskoy gubernii v XIX – nachale XX v. Novyye metody issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Demographic Behavior of the Peasantry of the Tambov Province in the 19th – Early 20th Century. New Methods of Research. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2001. (In Russian).

Поступила в редакцию 23.02.2017 г.

Отрецензирована 19.03.2017 г.

Принята в печать 08.08.2017 г.

Received 23 February 2017

Reviewed 19 March 2017

Accepted for press 8 August 2017

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interests.

UDC 94(47)18/19+908 (470.326)

THE HEADS OF TAMBOV FAMILIES AT THE END OF THE 18th – IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ASPECT

Dmitriy Valerevich STREKALOV

Candidate of History, Worker of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: strekalovdv@gmail.com

Nataliya Valerevna STREKALOVA

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of General and Russian History Department

E-mail: strekalovanv@mail.ru

The history of the family is one of the topical research areas of historical demography and social history. Based on the materials of two mass personified sources (documents on state registration of the population and “lists of city inhabitants”), with use of computer technologies the comparative analysis of social and demographic characteristics of heads of families of Tambov at the end of 18th – the first half of the 19th century has been carried out. Problems of a ratio of number and specific weight of men and women – heads of large and small families of the provincial center are investigated. The marital status of heads of families of Tambov is studied, including, questions of its fixing in the used sources are considered. Features of age characteristics of the head of the family depending on marital status, type of family and class and social group are analyzed. The conclusion is made about the continued domination of men, who accounted for the main share of heads of families in Tambov. The processes of unifying the middle age of the heads of large families by the middle of the 19th century were noted. The conducted research has allowed reveal a difference of age of heads of families of the provincial center and heads of families of villages and the district city of the province. Additional studying is demanded by source study problems of history of provincial Russian city family at the end of 18th – the first half of the 19th century.

Keywords: head of the family; large family; small family; urban family; mass sources

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper is prepared under financial support of grant “Urban family and the processes of social modernization of provincial Russian town at the end of 18th – the beginning of 20th century: the portrait at the background of the epoch (basing on the materials of Tambov)”. Project Russian Foundation for Basic Research no. 17-11-68006a(p).

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171

Для цитирования: Стрекалов Д.В., Стрекалова Н.В. Главы семей Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX века: социально-демографический аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 6 (170). С. 160-171. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171.

For citation: Strekalov D.V., Strekalova N.V. Glavy semei Tambova v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: sotsial'no-demograficheskiy aspekt [The heads of Tambov families at the end of the 18th – in the first half of the 19th century: social and demographic aspect]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 6 (170), pp. 160-171. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-160-171. (In Russian, Abstr. in Engl.).